

ВЕЛИКИЕ ПРАВИТЕЛИ

Сорок два года ожидания престола, который принадлежал ему по праву
и который все, включая родную мать, хотели у него отобрать.
Стремительное царствование, размах реформ, энергия, подчас неумная
и разрушительная, но всецело направляемая желанием улучшить
российскую действительность и разом исправить все ошибки предшественников.
И обостренное чувство справедливости, стремление быть рыцарем
на российском троне — задача, непосильная по определению...

У императора и самодержца Всероссийского Павла I Петровича
отняли престол. Отняли жизнь. Хотели было отнять и добрую память о нем.

Стремились превратить его царствование в случайность.
Пришел после «великого и кроткого» царствования своей матери,
тотчас запретил все разумное, ввел все неразумное и «неудобоносимое»,
призвал в Россию Мальтийский орден... И ушел.

Причина ухода — апоплексический удар.

Кем он был на троне — вторым Петром III, Гамлетом,
Дон Кихотом Ламанчским, Тиберием, Нероном?
Да нет же — он был Павлом Первым!

К счастью, несмотря на все старания, превратить царствование
Павла I в анекдот не получилось. Через 100 лет одумались и бросились
в противоположность: трансформировали образ солдафона и деспота
в «тонкую и ранимую душу». Так что в трудах историков портрет
императора Павла предъявляет нам то неуравновешенного сумасброда;
то приверженца армейской муштры и жесткой цензуры;
то Павла-реформатора, который ограничил привилегии дворянства
и пытался стабилизировать финансовое положение России;
то инициатора Манифеста о трехдневной барщине;
то Великого магистра Мальтийского ордена,
который стоял в шаге от присоединения острова Мальта
к Российской империи...

Павел I был таким, каким был, со всеми своими огромными достоинствами
и немалыми недостатками. Он желал справедливости?

Того же желаем и мы, потомки, по отношению к нему.

И справедливость эта — правда о великом правителе,
честное и достойное место в истории...

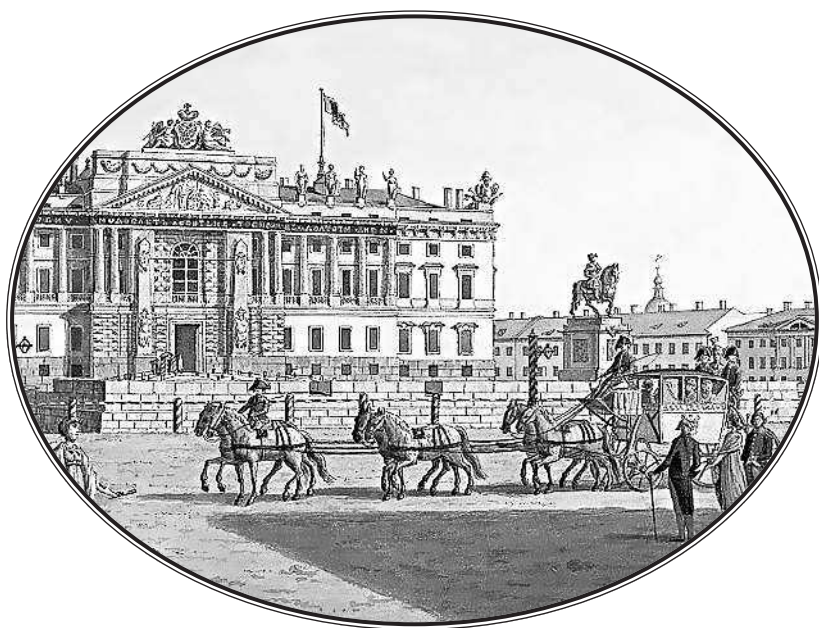

Император и самодержец
Всероссийский Павел I
(1754—1801)

Павел I

ВЕЛИКИЙ МАГИСТР РОССИЙСКОГО ТРОНА

Москва
2016

УДК 94(470)
ББК 63ю3(2)513
П12

Состав, комментарии и примечания — *И. Сазонов*

Оформление обложки — *Н. Лакузин*

Павел I

П12 Великий магистр российского трона / Павел I. — Москва: Издательство «Э», 2015. — 448 с. : ил. — (Подарочные издания. Великие правители).

ISBN 978-5-699-86731-8

Император Всероссийский Павел I (1754—1801) — одна из самых противоречивых и загадочных фигур в ряду российских самодержцев. До сих пор труды историков и литераторов в качестве портрета императора предъявляют нам то неуравновешенного сумасброда; то приверженца армейской муштры и жесткой цензуры; то Павла-реформатора, который ограничил привилегии дворянства и пытался стабилизировать финансовое положение России; то инициатора Манифеста о трехдневной барщине; то Великого магистра Мальтийского ордена, который стоял в шаге от присоединения острова Мальта к Российской империи.

Эта книга представляет императора Павла устами его самого: в государственных распоряжениях и в личном общении; также читатель познакомится с взглядом на правление Павла его современников — сторонников и критиков. В книгу помещены и разделы из обширного труда известного русского историка Н. К. Шильдера, единственного, кто в середине XIX века получил доступ к личному императорскому архиву. Документы, письма, воспоминания современников, записки очевидцев, а также сотни исторических и документальных иллюстраций позволят читателю не только ощутить масштаб деятельности императора Павла I, но и увидеть императора как человека со всеми его достоинствами и недостатками.

Издание продолжает серию подарочных книг, посвященных великим правителям всех стран мира и исторических эпох. Содержательность, достоверность повествования, ведущегося от первого лица, оригинальный состав, элегантно классическое оформление, богатство иллюстративного материала делает эту серию украшением библиотеки самого взыскательного читателя.

УДК 94(470)
ББК 63ю3(2)513

ISBN 978-5-699-86731-8

© Состав, тексты, художественное оформление, иллюстрации, макет. Fortune Triumph Ltd, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2016

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Основу данного издания составили важнейшие указы эпохи императора Павла Петровича — от Манифеста о его рождении до Акта о престолонаследии и Указа о трехдневной барщине, а также другие документы, определившие ход истории Российской империи. Не менее интересны именные указы Павла I и его письма: как личные, адресованные близким людям, так и официальные послания.

Мальтийский орден в России — тема, до сих пор окутанная ореолом таинственности. Что это было? Рыцарская романтика? Экстраполяция юношеских увлечений цесаревича Павла Петровича, когда он уже стал обладающим абсолютной властью монархом? Или же некие прагматические соображения? Ответы на эти и другие вопросы находятся в опубликованных в этой книге документах, некоторые из которых, без сомнения, могут считаться уникальными.

Не менее уникальны с исторической точки зрения и записи бесед двух влиятельных монархов того времени: российского императора и польского короля Станислава Августа Понятовского.

Безусловно, фигура Павла I не могла не привлечь внимания историков. Отношение к царствованию «русского Гамлета» было и по-прежнему остается полярным. Различные точки зрения представлены и в данном издании. Известный историк Н. К. Шильдер в целом негативно оценивает Павла I, но это «компенсируется» фундаментальностью его исследования, которое долгое время оставалось фактически единственной развернутой биографией императора. Противоположное мнение у П. П. Каратыгина, считавшего, что Павел I был для России «исторической необходимостью». В любом случае, как бы кто ни относился к Павлу Петровичу, следует прислушаться к словам выдающегося исследователя русской истории В. О. Ключевского (посвященный Павлу I фрагмент из его «Лекций» также приводится в книге): царствование Павла I — это не случайный эпизод, «не печальный каприз недоброжелательной к нам судьбы, не имеющий внутренней связи с предшествующим временем и ничего не давший дальнейшему»...

СОДЕРЖАНИЕ

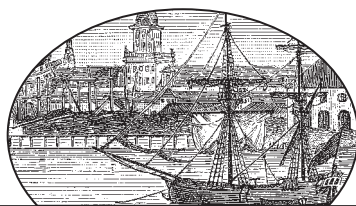

П. П. Каратыгин. СВЕТЛЫЕ МИНУТЫ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

Многие из его решений в течение первых двух лет царствования носили на себе отпечаток справедливости, проницательности и редкого великодушия. Эти высокие чувства проявлялись в Павле I каждый раз, когда он повиновался побуждениям своего доброго, благородного сердца...

8

Письма и документы

Важнейшие указы эпохи Павла I

35

Предмет каждого общества — блаженство каждого и всех. Общество не может существовать, если воля каждого не будет направлена к общей цели. Для того правительство, правительства разного рода. Лучшее то, которое ближайшим способом преимущественно достигает до своего предмета.

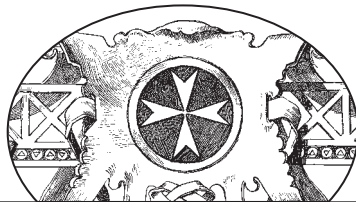

Именные указы императора Павла I

Из письма вашего увидевши затруднительное состояние ваше в рассуждении пятерых дочерей ваших, не имеющих приданого, я позволяю вам, по мере как женихи к ним станут свататься, писать о них ко мне, и тогда я обещаю делать им некоторое вспомоществование, пребывая в прочем вам благосклонный...

58

Документы и письма о взаимоотношениях Павла I и ордена Святого Иоанна Иерусалимского

66

...милость и благоволение наши императорские ко всему знаменитому обществу ордена Святого Иоанна Иерусалимского и ко всякому члену оного пребудут неотъемлемы.

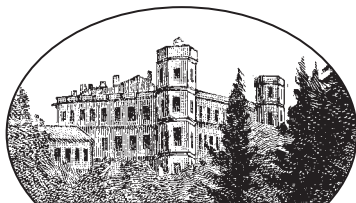

ПАВЕЛ I и императрица Мария Федоровна: письма и документы

Я не стыжусь в этом перед Богом и совершенно отказался от мыслей, внушенных мне моим злополучным опытом. Я обязан сделать это признание такой супруге, как моя, которая обладает добродетелями и достоинствами и которую я люблю всем сердцем.

81

ДОКУМЕНТЫ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ И БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ГАТЧИНСКОГО ПОМЕСТЬЯ

100

Рассудя за благо определить в гатчинской нашей вотчине для лучшего за строениями присмотру особого надзирателя над строениями, снабдя его нижеследующим наказом, надеемся мы, что он во всем как по сему нашему наказу, так и по прочим сделанным нами предписаниям достоющее исполнение чинить будет.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ И СТАНИСЛАВ АВГУСТ. ЗАПИСЬ БЕСЕД РУССКОГО ИМПЕРАТОРА И ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ

Павел Петрович, ни в чем не разделявший воззрений своей матери, всегда был противником раздела польских областей и относился сочувственно к полякам. Поэтому немедленно по воцарении он даровал свободу польским пленным, содержащимся в Санкт-Петербурге, и распространил эту милость на прочих поляков, сосланных Екатериной II.

127

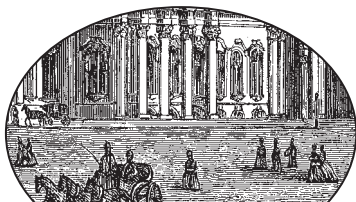
ПРИЛОЖЕНИЯ

В. О. Ключевский. ПАВЕЛ I

155

Император Павел I был первый царь, в некоторых актах которого как будто проглянуло новое направление, новые идеи. Я не разделяю довольно обычного пренебрежения к значению этого кратковременного царствования; напрасно считают его каким-то случайным эпизодом нашей истории, печальным капризом недоброжелательной к нам судьбы...

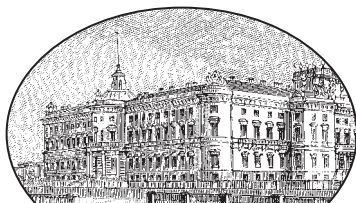

Ф. В. Ростопчин. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II И ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

Наследник, зашед на минуту в свою комнату в Зимнем дворце, пошел на половину императрицы. Проходя сквозь комнаты, наполненные людьми, ожидающими восшествия его на престол, он оказывал всем вид ласковый и учтивый. Прием, ему сделанный, был уже в лице государя, а не наследника.

159

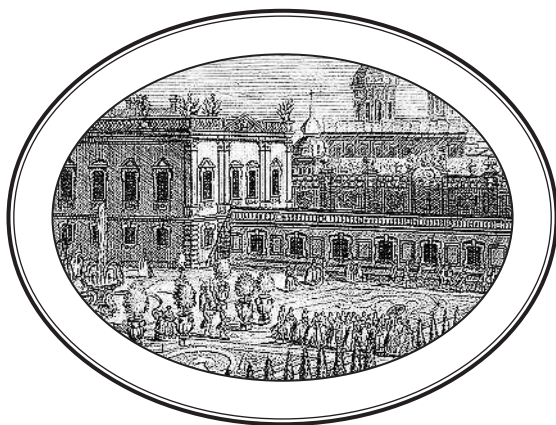
Н. К. Шильдер. ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I. ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

173

В настоящем труде я не задавался целью изложить историю царствования императора Павла I. Ввиду наступающего столетия кончины этого государя я желал лишь набросать краткий очерк его жизни, отличавшейся такими трагическими и, можно сказать, гамлетовскими чертами, подобных которым не встречается в жизни ни одного из венценосцев не только в русской, но и во всемирной истории.

П. П. Каратыгин
СВЕТЛЫЕ МИНУТЫ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

*Д*ержавин, приветствуя воцарение Александра I, сравнил в своей торжественной оде царствование его родителя с суровой зимой, которую сменила благодатная весна, наступившая вместе с новым XIX веком:

*Век новый! Царь младый, прекрасный
Пришел днесь к нам весны стезей!
Мои предвестья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.
Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздух веют аромат...*

Это крайне двусмысленное сравнение навлекло на поэта, как известно, неудовольствие вдовствующей императрицы Марии Феодоровны: в «сиповатом» голосе Норда, в «грозном, страшном взгляде» государыня угадала дерзкий на-

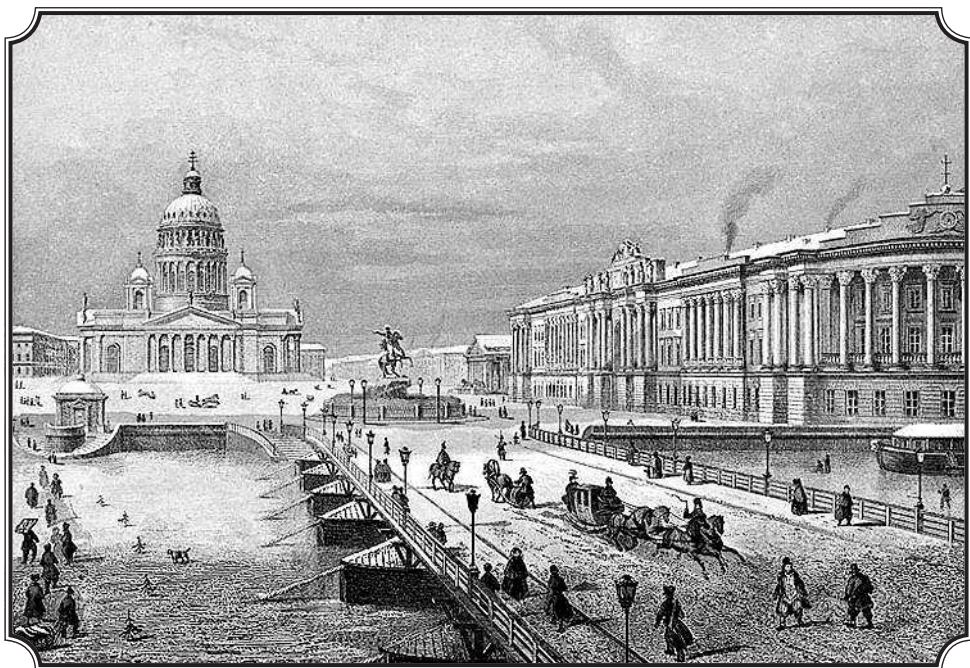
Петр Петрович Каратыгин (1832—1888) — русский литератор, публицист и историк. Родился в семье известного актера и драматурга Петра Андреевича Каратыгина и оперной певицы Софьи Васильевны Биркиной. Вполне естественно, что Петр решил пойти по родительским стопам. Однако, проработав в театре всего год, он понял, что сцена — не его призвание. С тех пор, с середины 1850-х гг., Петр Каратыгин посвятил себя литературной и публицистической деятельности. Он увлекался историей и хорошо знал ее, и неудивительно, что его историко-биогра-

фические очерки были весьма популярны у читающей публики. Перу П. П. Каратыгина принадлежат такие труды: «И. К. Айвазовский и его художественная деятельность» (1878), «Т. Г. Шевченко» (1880), «Императрица Мария Александровна» (1881), «Наталья Николаевна Пушкина в 1829—1837 гг.» (1883), «П. С. Потемкин» (1883), «А. И. Остерман» (1884), «Дубельт и Бенкендорф» (1887), «История тайных религиозных обществ» и др. Очерк «Светлые минуты императора Павла» был написан в 1886 г. и опубликован в журнале «Исторический вестник».

В. А. Боровиковский. Портрет Павла I.
1796 г.

мек на личность ее покойного супруга. Оправданию Державина много помогли самые невинные метеорологические доводы; он прямо сослался на наступление весны, которое совпало с восшествием на родительский престол императора Александра Павловича. Хотя это оправдание и не выдерживало строгой критики, но, на радостях, поэтическая вольность Державина осталась без дальнейших, неприятных для него последствий... А радость воцарению Александра I была великая: петербургские жители, поздравляя друг друга, лобызались, как в светлый праздник; вечером 12 марта 1801 года по улицам зажгли иллюминацию.

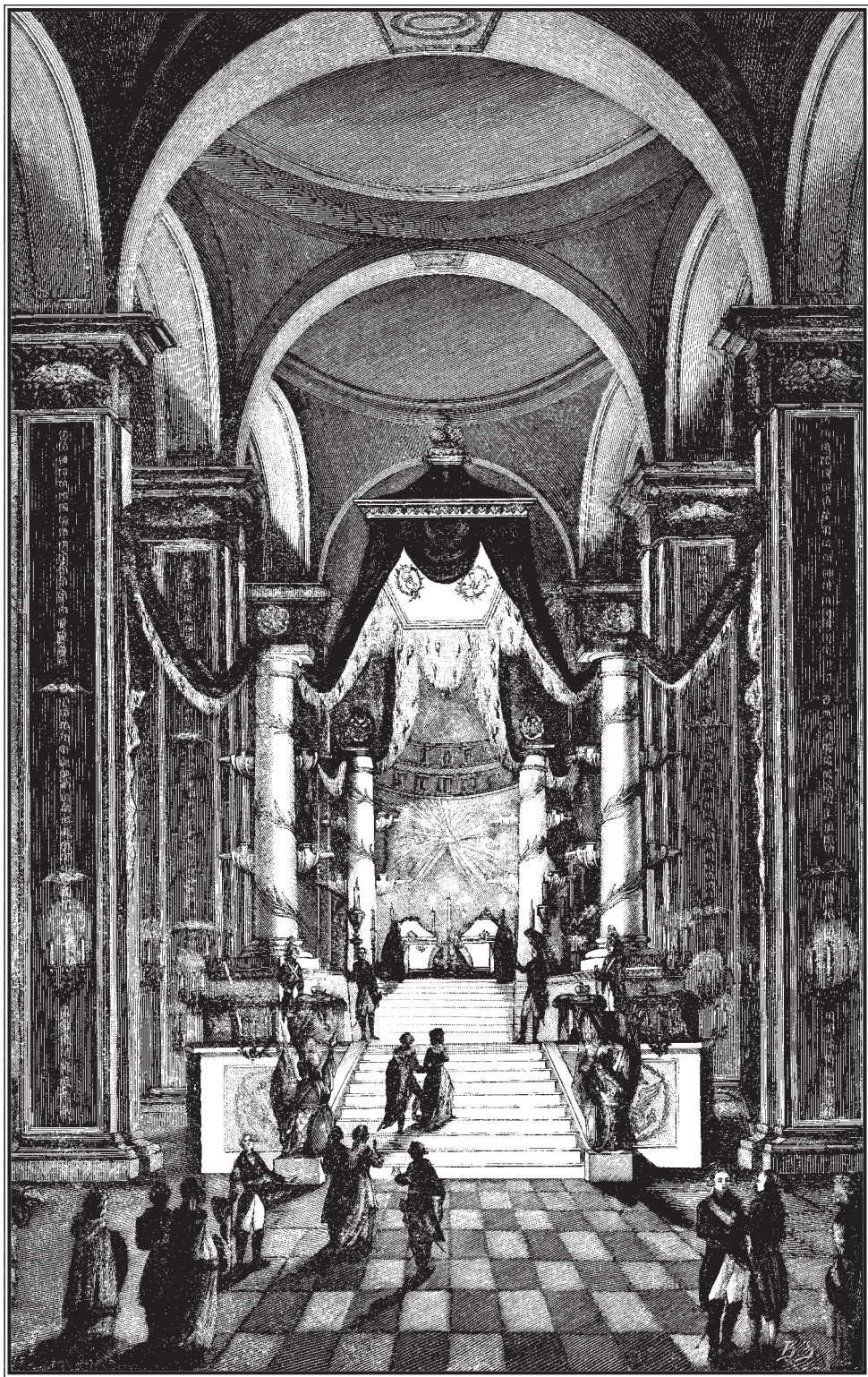
Вид Санкт-Петербурга.

Гравюра. 1800-е гг.

За год с небольшим, 1 января 1800 года, по ошибке праздновали наступление «нового века», что вызвало со стороны покойного императора Павла официальное замечание, что XVIII век заканчивается 1800-м, а XIX век начинается 1801 годом. Теперь же и Петербург, и вся Россия праздновали «новый век» двумя месяцами позже и готовы были считать наступление нового года не с января, а с 12 марта.

Таким образом, покойный Павел I был как бы олицетворением всего старого, отжившего, последним представителем XVIII века, а его юный преемник — нового, XIX-го; в покойном отце, и без сравнения Державина в его оде, все видели суровую зиму, в сыне — весну, подательницу всех благ, щедрот и милостей. Сравнение тем более справедливое, что и самое воцарение Павла, в параллель воцарению Александра I, последовало в ноябре, и первые же дни его были ознаменованы мрачным торжеством погребения матери и отца, останки которого были перенесены из Александро-Невской Лавры в Петропавловский собор. На первой медали, вычеканенной по случаю этого события при Павле I, изображены были гробницы его родителей...

Истинно зимним, мертвенным холодом повеяло от нового царствования; действительно лютый мороз дохнул на розы и лавры золотого века Екатерины; суровые гатчинцы сменили избалованных, изнеженных гвардейцев, разодетых в шелка, бархат, с собольими муфтами, в которые господа офицеры прятали свои белые, выхоленные ручки; бархат сменился грубым сукном, тоненькие шпаги — тяжелыми палашами, лакированные башмачки с красными каблуками — ботфортами с бряцающими шпорами. Померкли яркие огни в окнах Эрмитажа; собрания в стенах дворца были заменены вахтпарадами на Марсовом поле... Все женственное, нежное исчезло, уступив свое место воинственному, грубому, суровому; вахмистры, фельдфебели, капралы оттеснили раздушенных

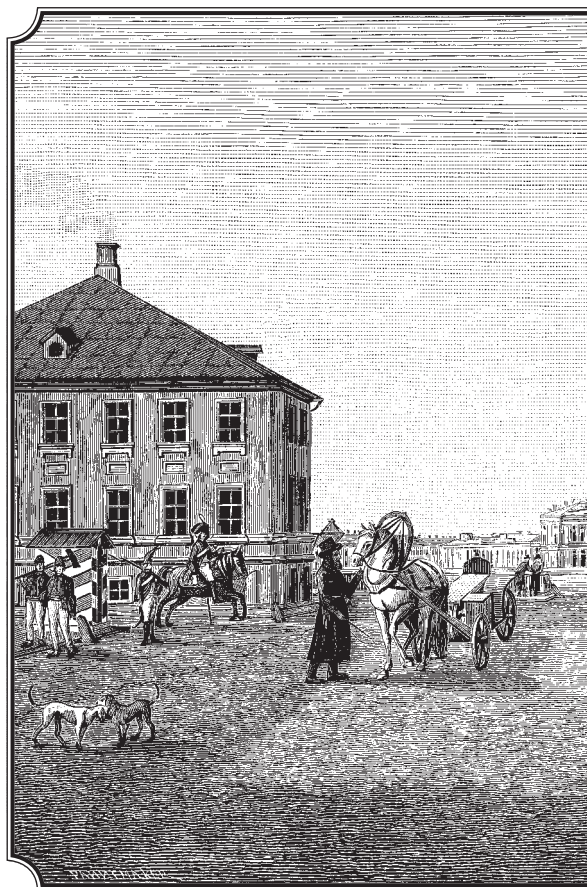

**Катафалк, воздвигнутый над гробами Петра III и Екатерины II
в Петропавловском соборе.**

Гравюра. XIX в.

**Михайловский дворец
в Санкт-Петербурге.
Гравюра. Начало XIX в.**

петиметров и селадонов*. Но, с точки зрения беспристрастного историка, можно ли назвать кратковременное царствование Павла бедственным для России? Конечно, нет. Павел, при всех особенностях, пожалуй, странностях личного своего характера, был точно такой же «исторической необходимостью», как зима есть необходимость климатическая. Как по законам природы между осенью и весной — зима, так между царствованиями Екатерины и ее внука по логической последовательности должно было иметь место царствование ее сына, эпоха переходная от России изнежившейся, обабившейся к России воинственной, мужественной. Громкою ли бранью, толчками ли, ударами ли фухтеля**, но Павел разбудил и отрезвил Россию, а Суворовские походы подготовили и солдат и полководцев к великой борьбе с Наполеоном. Борьба с «сыном судеб» едва ли была бы под силу Зубовым и Римским-Корсаковым***. Гатчинец Аракчеев дал возможность нашей артиллерии тягаться с французской, что, конечно, было бы немыслимо при генерал-фельдцейхмейстере Зубове — ведь боевые пушки не стрелы Амура.

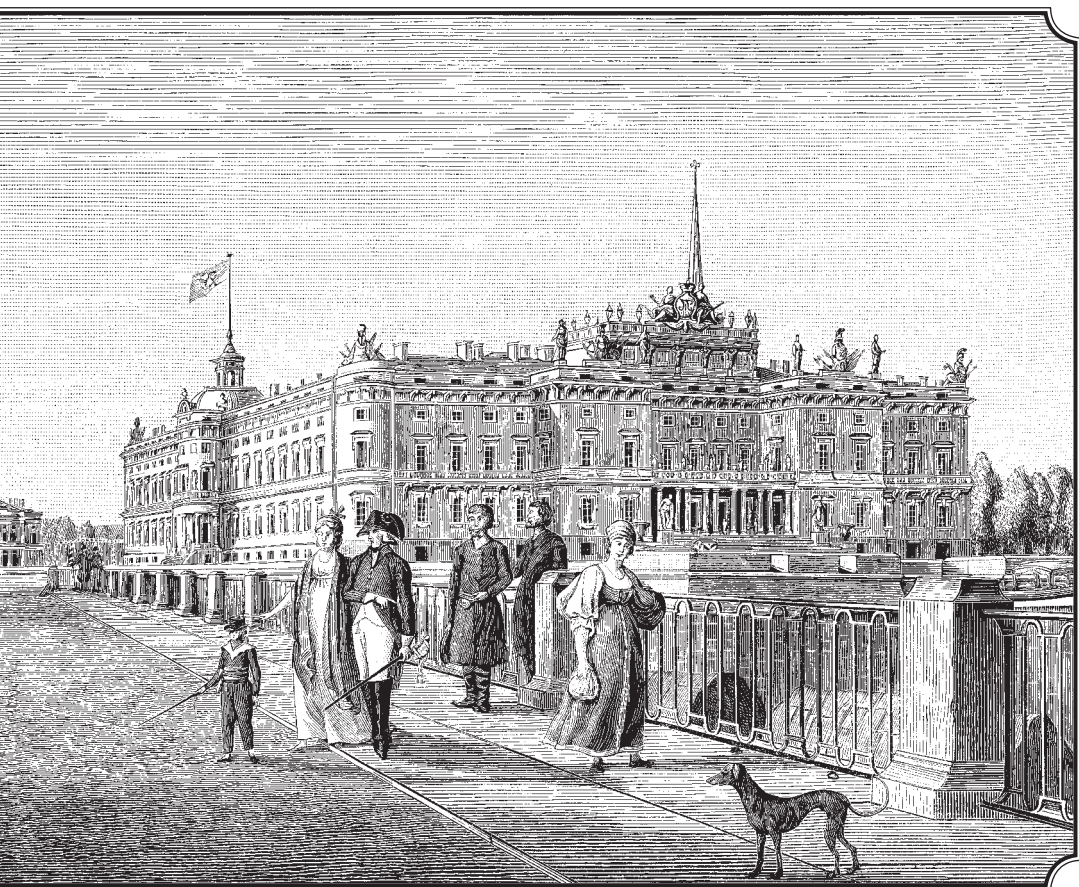

Потомство должно быть признательно Павлу I не за то, что он создал, но именно за то, что он уничтожил. Эта беспощадная ломка установлений предыдущего царствования, отмена многих прежних узаконений и замена их новыми, многочисленные преобразования по всем отраслям государственного управления навлекли на Павла I ропот во всех сословиях и в обоих поколениях — как

* *Петиметр* — светский франт, стремящийся подражать всему французскому; *селадон* — галантный кавалер, томящийся от любви (от имени героя романа Оноре д'Юрфэ «Астрея»).

** *Фухтель* — плоская сторона холодного оружия; этим же словом называлось и телесное наказание.

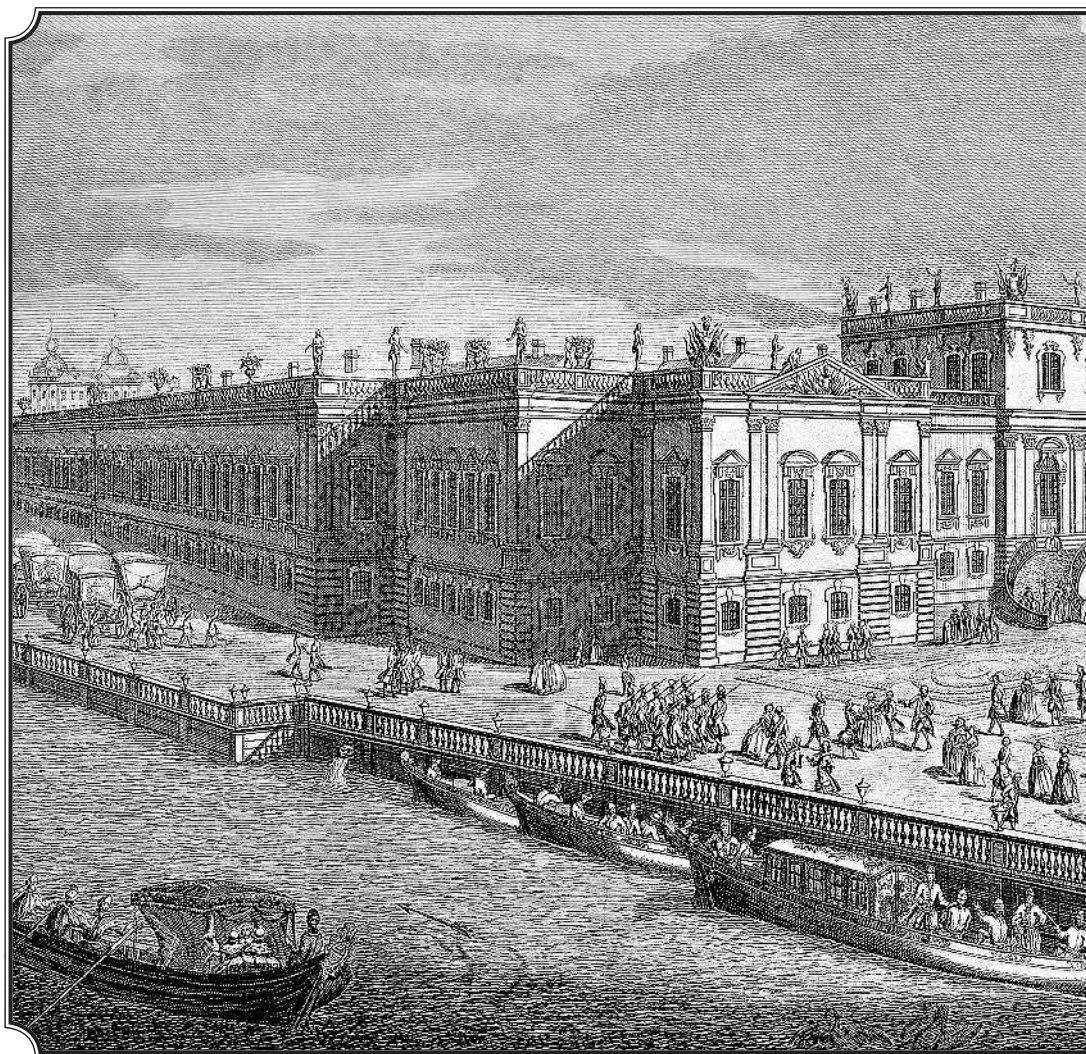
*** *Иван Николаевич Римский-Корсаков* (1754—1831) — фаворит Екатерины II. Был знаком с Г. А. Потемкиным, который и представил его императрице. Потемкин подыскивал замену попавшему в опалу С. Г. Зоричу и, оценив не слишком выдающиеся умственные способности Римского-Корсакова и понимая, что красивый лейб-гвардеец будет утехой Екатерине, но не составит ему, Потемкину, конкуренции в борьбе за власть, остановил на нем свой выбор.

старом, так и новом. Исполнители его повелений, имевшие целью прямую пользу его подданных, умышленно придавали им вид мер стеснительных, совершенно произвольных и вместо той любви народной, о которой Павел мечтал с самых отроческих лет, возбуждали в народе лишь боязнь, недоверие, а подчас и неуважение к самому представителю верховной власти. Остужая русское сердце в его любви к царю, те же люди сумели разжечь в сердце царя чувства недоверчивости и подозрительности к народу. «Изверги, — говорит о них Кочеву, — злоупотребляя доверием к ним монарха, сердце которого было склонно к кротости и доброте, всюду показывали ему призраки, вовсе не существовавшие и даже в которые они не верили сами, и ввели начало владычества ужаса».

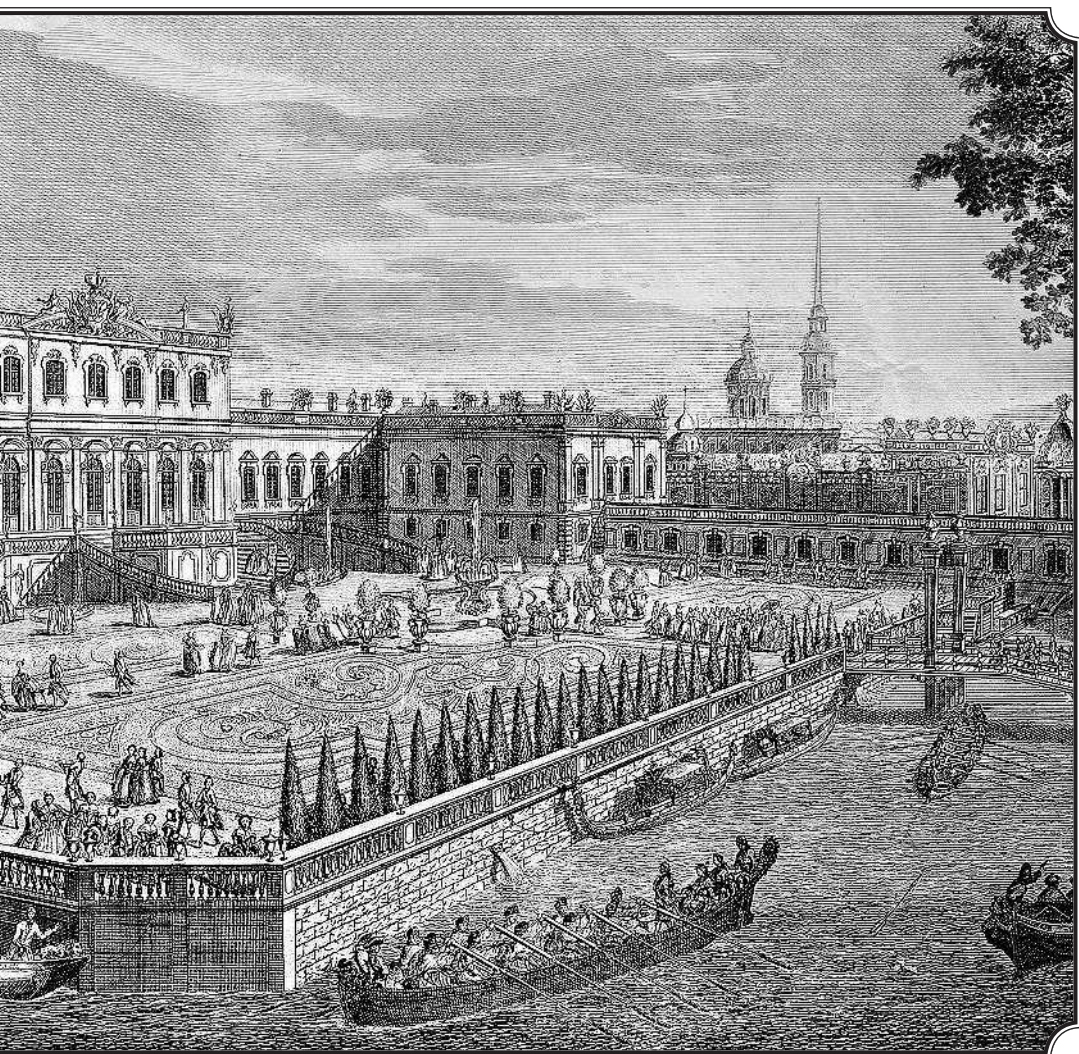
Молву о добрых и великодушных деяниях государя заглушали анекдотами, нередко и вымышленными, о странностях и эксцентричных выходках. Злоречию отечественному вторила иностранная печать памфлетами, пасквилями, карикатурами, и таким образом о личности императора Павла, человека, в сущности, доброго, сердечного, слагались самые превратные и враждебные понятия. Д. Ф. Кобеко* в своей прекрасной монографии «Цесаревич Павел Петрович»

* Дмитрий Фомич Кобеко (1837—1918) — российский государственный деятель, член Государственного совета в 1901—1908 гг.; историк и публицист. Главной исторической работой Д. Ф. Кобеко стала биография цесаревича Павла до его вступления на престол, удостоенная Уваровской премии и переведенная на несколько языков.

первым из наших отечественных писателей сумел отрешиться от общепринятого мнения, отнесясь к Павлу I с должной справедливостью и беспристрастием. Точка зрения, которую потомство должно прилагать к нему, чисто психическая. Причины превращения характера доброго, уступчивого, способного на подвиги рыцарского благородства, в характер крутой, озлобленный, упорный, до самозабвения заносчивый, скрываются в воспитании Павла, в отношениях к нему его родительницы, в печальной обстановке его семейного и общественного быта. Укажем на них в главных чертах.

Павел-младенец до семи лет (1754—1761) возростал на попечении нянюшек, мамушек, сказочниц, ханжей-богомолок и прочих приживалок собственных апартаментов императрицы Елизаветы Петровны. Как она сама, так и воспитательницы ее двоюродного внука холили, лелеяли, нежили младенца, чем неумышленно содействовали развитию нервности и чисто женской впечатлительности в этом добром, кротком, милом существе. После переворота 28 июня 1762 года Павел из нежных женских рук перешел в сухие, жесткие руки графа Н. И. Панина, давшего в воспитатели великому князю Семену Порошина, человека доброго, сердечно преданного своему питомцу, но совершенно не-

М. И. Махаев. Летний дворец императрицы Елизаветы Петровны.
Середина XVIII в.

опытного в деле педагогики, а еще того менее воспитания наследника престола. Порошин, как видим из его «Записок», та же няня-баловница в офицерском мундире, кадет выпускного класса, подружившийся с воспитанником неранжированной роты.

И можно ли требовать разумных, педагогических приемов от Порошина, когда сам граф Никита Иванович Панин так неосмотрительно относился к делу воспитания цесаревича! За столом, при своем питомце, он ведет разговоры, не всегда приличные даже при взрослых юношах. Не потому ли, что ребенок их не понимает? Но в каждом ребенке есть зародыш вредной любознательности, допытывающейся до того, что знать ему еще слишком рано. Отрока-цесаревича часто водят в театр на представления французских комедий, опереток и балетов. Репертуар этих пьес по большей части во вкусе того времени: все они вертятся на любовных интригах, почти в каждой из них и одураченные опекуны, и мужья-рогоносцы. Эти пьесы не могут не влиять на пылкое воображение ребенка и без